Тана Френч

Хранитель

роман

Перевод с английского
Шаши Мартыновой



phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
Ф87

18+

THE KEEPER by TANA FRENCH

Copyright © 2026 by Tana French

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Публикуется при содействии *Darley Anderson Literary, TV & Film Agency* и *The Van Lear Agency*

Перевод с английского Шаши Мартыновой
Редактор Максим Немцов

Оформление обложки и макет Андрея Бондаренко

Тана Френч
Ф87 Хранитель: Роман / Пер. с англ. Ш. Мартыновой. — М.: Фантом Пресс, 2026. — 512 с.

Третья и заключительная книга трилогии о Келе Хупере, разошедшейся миллионным тиражом. Холодной ночью в глухой ирландской деревне Арднакелти пропадает девушка. Милая, добрая Рэчел Холохан вот-вот должна была обручиться с сыном местного воротилы. Вместо этого ее находят мертвой в реке. В маленькой деревне, где все друг друга знают, такая смерть не бывает случайной. За ней тянутся старые обиды и борьба за влияние длиной в несколько поколений, и округа раскалывается надвое. У Кела Хупера, бывшего чикагского детектива, здесь теперь есть друзья, и он обязан хранить верность своему новому кругу, а значит — выяснить обстоятельства гибели девушки. Но его подруга Лена не желает впутываться в здешние распри. Вражда становится все ожесточеннее, и их спокойная, налаженная жизнь дает трещину. Пытаясь понять, что произошло с Рэчел, они обнаруживают замысел, от которого зависит судьба всей деревни. И Келу предстоит решить, что значит защищать свой дом, когда угроза исходит от тех, кого ты считал своими.
Это роман о тайне, о прощании с уходящим укладом жизни и о том, что человек может сберечь, когда мир вокруг меняется слишком быстро.

ISBN 978-5-907943-29-2

© Шаши Мартынова, перевод, 2026
© Андрей Бондаренко, оформление, 2026
© “Фантом Пресс”, издание, 2026

I

Первый душок беды Кел улавливает в субботу утром в лавке у Норин, покупая яйца. Вообще-то именно в лавке следовало Келу ожидать вестей о беде или о чем угодно происходящем в Арднакелти, от чьей-нибудь беременности до картофельной гнили. Тем не менее намек он более-менее целиком упускает, потому что Норин напирает на него с уймой всякого прочего.

Ноябрь. Округа лежит, замерев под дождем, и уже не одну неделю — этот дождь Март Лавин, сосед Кела, именует тихим: он не падает, а висит в воздухе тонкой моросью, обволакивает человека пеленой, которая оседает влагой, стоит лишь зайти под крышу. Горы вдали у горизонта едва зримы, там и сям лишь промельк очертаний. Кел борется с кроликами за свой последний пастернак и с белками — за орехи с невеликой своей лещины. Укрытые зеленью клевера и вики, ждут вспашки поля; те коровы, что еще не разведены по домам, отставили по-летнему раздраженно помахивать хвостами и, жуя жвачку медленно и сонно, возлежат под серым небом.

Кел прожил на западе Ирландии достаточно, чтоб пренебречь этого сорта дождем, и идет в лавку пешком. Его жилище, неприметный домик 1930-х годов постройки, который Кел постепенно восстановил из упадка, всего в паре миль от деревни, а дорога во вполне приличном состоянии, чтоб не слишком перемазаться глиной. Дверь он не запирает — от этого попустительства в нем все еще проскакивает искра удовольствия. Округа в Чикаго, где Кел жил прежде, тоже была неплохая, но ох какая оживленная, и кое-что из того оживления незапертую дверь несомненно оценило бы. Здесь же, чтоб возле Келова дома случиться хоть какому-то оживлению, оживлению этому нужно сперва заблудиться,

но его тем временем заметят и распустят о том весть. Если же с малейшей вероятностью и впрямь произойдет что-то подобное, его, скорее всего, спугнет пес Кела по кличке Драч. Это мелкий бигль-полукровка с коротенькими лапами, но сам он того не замечает — и лай у него, и самоуважение как у ротвейлера.

К недоумению соседей, считающих нытье о погоде национальным долгом, Кел это время года любит. Осень — то время, когда Арднакелти становится самим собой. Лета и зимы, по понятиям Кела, тяп-ляп, а вот осень предполагает нюансировку, и в нюансировке это место — мастер, осень наполняет воздух, слой за слоем, духом земли и сырой листвы, оттеняет землю всевозможными оттенками зелени и золота, шифрует намеки зимы в тончайших вывертах ветра или сдвиге туч. Последние гуси, пробиваясь на юг, возносят безнадежный свой гомон. На главной улице в деревне оттенки разномастных домишек глухи, воздух пахнет торфяным дымом, а среди дождя вьются сквозь кружевную занавеску робкие звуки чьего-то фортепьяно, на котором упражняется ребенок. Кел толкает дверь лавки, в сыром воздухе растекается звон колокольчика.

Лавка маленькая, теплая и ярко освещенная, из радиоприемничка льется с жестяным звуком жизнерадостное скверное кантри. Норин — на коленях, покачивает задом под музыку, тщательно сощипывая декоративную паутину с овощного прилавка.

— О, кто пришел, — говорит она сквозь зажатые губами канцелярские кнопки. — Паутина эта будто из клея сделана, ко всему липнет, я с нею весь день провожусь. В будущем году на задницу себе приключений искать не буду, усажу вон ту ведьму в окно, и вся недолга.

— Может, помогу? — предлагает Кел.

В Келе шесть футов и четыре дюйма, в Норин — пять футов и один, и к лазанью она не приспособлена. Кел приходит в лавку, готовый доставать всякое с верхних полок.

Норин выплевывает кнопки в пакет на струне.

— А ну-ка, значит, поснимай мне вон те тыквы. Ей-богу, вроде как только вчера их повесила, а уж снимаю. Не успеешь оглянуться, как, блить, уже эти олени да Санты. Мамка всегда говорила, так вот и понимаешь, что стареешь: годы как давай лететь.

— С тех пор как я сюда приехал, ни на день ты не состарилась, — говорит Кел. Начинает снимать миниатюрные тыковки оттуда, где они были художественно распиханы по немногим свободным квадратным дюймам на полках между суповыми смесями, влажными подтирками для младенцев, консервированными персиками, бритвенными лезвиями, конвертами и всем прочим, чем жив Арднакелти. — Не знай я про твоих здоровенных детей, клянусь, решил бы, что тебе ни на день не больше тридцатника.

— Ой, да ладно. Вся ж в морщинах.

— Тридцатник. А то, может, и двадцать пять. — Норин Келу нравится, пусть даже бывают дни, когда рядом с ней он чувствует, что кофе надо было выпить побольше.

Норин выдает шумное “пффт”.

— Говорю тебе, я на этой неделе себя чувствую так, будто мне сто. Дети устроили вечеринку на Хеллоуин, помогай мне боженька. Девчонки расфуфырились — сексапильными мертвыми феечками-чирлидершами, в бикини и то матерьялу больше будет, а парни нарядились в самих себя, удача вообще, если они утрудили себе задницы, чтоб на них чистые треники натянуть. А я ношусь кругами, как муха синежопая, пытаюсь доглядеть, чтоб ни при ком мешка с травяными вейпами не оказалось да чтоб никто ни с кем в саду не кувыркался. До сих пор в себя прихожу. — Бросает на Кела взгляд через плечо. — Твою Трей звали. В итоге не явилась, но ее приглашали.

— Крепко обязан, — говорит Кел. — Ей жаль было пропускать, но пришлось с младшими ходить играться в “гадость-или-сладость”.

Несколько растянуть пределы правды ради гармонии Келу дается без труда. Трей Редди — технически говоря, не его ребенок, но в большинстве практических смыслов таковым считается, — с Арднакелти находится в менее колючих отношениях, чем прежде, и все же они недостаточно дружеские, а Трей недостаточно общительна, и потому на вечеринку к Дугганам затащить ее можно было бы разве что взяв в заложники.

— Кстати, о приглашениях, — зловеще произносит Норин, наставляя горсть паутины на него. — Мое где?

Кел помолвлен с сестрой Норин Леной, но не в том смысле, что кто-то из них имеет хоть какую-то тягу жениться, — они

оба уже это по разу проделали и решили, что хватит. Позапрошлым летом Лена сообщила Норин, что они помолвились, и причины тому представлялись тогда здравыми, но в расчет Лена не взяла, что когда причины те исчерпаются, помолвка никуда не денется. Ни Кел, ни Лена не очень понимали, что с ней делать. Отступиться они не могли, поскольку люди решили бы, что они поссорились, а это не только усложнило бы им жизнь, но и могло привести к тому, что Норин прекратила бы закупать любимый Келов чеддер. В итоге порешили оставить все как есть — в призрачной надежде, что люди забудут, но не так устроена Арднакелти. Помолвка зажила своей жизнью. Есть и такие, кто называет себя новой родней Кела, — эти интересуются, где же сыграют свадьбу; Анджела Магуайр, славящаяся своими тортами, желает знать, фруктовый они предпочитают, или шоколадно-бисквитный, или слоями и того и другого, учитывая, что молодежь любит шоколад, но он плоховато согласуется с пищеварением Лениной тетушки. Порядком народу донимало Лену насчет кольца, и в итоге Кел сгонял в Голуэй и кольцо ей там купил, не брильянтовое, но с крошечным сапфиром, поскольку ей нравится голубое. Когда он вручил кольцо Лене, она рассмеялась, а следом посмеялся и сам Кел, но кольцо она носит.

— Все никак не определимся со шрифтом, — говорит Кел. — Мне по сердцу всякое вычурное и кучерявое, а Лена у нас девушка построже-попрямее. Может, ты с ней потолкуешь, попробуешь уломать ее в мою сторону.

Норин фыркает.

— Иисус, Мария да Иосиф, я думала, ты меня уважаешь покрепче. Не жить мне, кабы велась на такую ятую чушь, при четверых-то детях. К тому ж ты мне это уже скармливал прошлой зимой.

— Надо, чтоб шрифт был какой надо, — поясняет Кел. — Дело такое важное, что я б не хотел промахнуться.

— Если дату не назначите, не останется у вас никакого выбора. Все везде занято будет на годы вперед. Отец Имонн один на четыре деревни, а он, бедолага, все ждет себе замены коленки, две свадьбы в один день не выстоит. А если не застолбите себе “Двор Брегган” для банкета, останется вам только “Герб Килкарроу” в городе, а те-то на крестинах у дитенка Джорджи Хили по-

ловине графства отравленье устроили. Хочешь всю брачную ночь потроха свои выблевывать?

— Мы прикидываем свадьбу играть в “Шоне Оге”, — говорит Кел. — Пусть народ жареные сэндвичи ест от пуза.

— Свезло тебе, — уведомляет его Норин, потрясая над ним пластмассовой летучей мышью-вампиром, — что я не верю ни единому твоему слову, а не то меня б тут инфаркт хватил. Никаких банкетов в грязном ятом пабе, ты ж не малявка-подросток, какой подружку свою обрюхатил.

— Бутером жареным зато никто никогда не травился, — замечает Кел. — Береженого бог бережет.

Норин, швыряя летучую мышь в здоровенный пластиковый короб с надписью “ХЕЛЛОУИН”, цыкает на Кела зубом.

— Ты таким шалопаем раньше-то не был. Когда приехал сюда, вел себя прилично, вот как есть.

— Лена влияет на меня скверно, — говорит Кел.

— Сложи тыквы те в мусорный мешок, там вон, а то уже клеклые. Я тебе одно хочу сказать: вы б поторапливались с бронированьями. Как дело дойдет до Рождества и Нового года, народ начнет женихаться направо и налево, и куда вам тогда деваться?

От ответа Кела спасает вот что: звякает колокольчик, распахивается дверь, и в лавку вступает Томми Мойнихан — так, будто на совет директоров по слиянию компаний.

— А вот и ее высочество, — гремит он, потирая руки. — Как делишки?

Томми — важная шишка на мясокомбинате под Килхоуном, что в округе сообщает ему положение Мистера Крутые Яйца. Это вроде как не дает повода сильно раздувать грудь, если учесть, что вся округа — как приличных размеров двор где-нибудь в северокаролинской глухомани, откуда Кел родом; Томми же либо не замечает этого, либо его это не заботит, лишь бы оставаться окруженным почтением, какого он заслуживает. У него солидное тулово фермера, морозно-серебристая шевелюра политика, усадьба третьесортного барона-скотовода, “рейндж-ровер” размерами с бизона и ежегодный отпуск всей семьей в Мексике. Томми Келу не нравится, хоть он и отдает себе отчет: отчасти это из-за того, что Юджин, сынок Томми, — обсос, а Клода, жена его, взирает на Трей так, будто высматривает у той гнид.

— Шикарно, — говорит Норин, поднимаясь с пола — Томми, в отличие от Кела, полагается встречать стоя, — и отряхивая колени штанов. — По самые уши в “Мини-Марсах” и “Твиксах”, глянь — завезла для “гадости-сладости” столько же, сколько и в прошлом году, а ушла только половина. Слыхала, народ их добыл по дешевке у какого-то парня, который приезжал на фургоне. — С мстительным шмяком бросает резиновую крысу в ящик. Когда выявит имена — а она их выявит, — тому, кто накупил конфет втихаря, Кел не завидует.

— Разгружу тебя от них чуток, — великодушно говорит Томми. — Я на батончики эти падкий по-крупному. Вычурный авторский шоколад оставьте себе, а? Мне подавай всякое доброе-старое.

— Клода те “Марсы” у себя в доме не потерпит, — уведомляет его Норин. — Опять на диету села — на ту, которая с кудрявой капустой. Я ей заказала, скажи, в четверг будет.

— Ай, ну-ка давай нам упаковочек несколько. То, чего благоверная не ведает, ей не помеха. — Томми подмигивает Келу. — Как сам, кореш. — Кел был американцем все три с половиной года, какие тут прожил, и новизне пора б уже было выветриться, но Томми, похоже, слишком горд, чтоб такое заметить, а потому ему неймется подчеркнуть это при каждой их с Келом встрече.

— Ну, а сам-то как, — тянет Кел, приподнимая бейсболку.

За спиной у Томми Норин пуляет в него взглядом “веди-себя-прилично”. Кел притворно робко вздрагивает и продолжает отцеплять гирлянду черепов с костями, натянутую между полками.

— Делишки отменно, — говорит Томми, раскачиваясь на пятках и озирая лавку. — Отменно. На выходные из Дублина приехал Юджин, так благоверная говорит, нам картофана мешок и связку сосисок надо. Нельзя же парня кудрявой капустой кормить, правду говорю?

Кел провожает взглядом кивок Томми в окно. В сером дневном свете, который по сравнению с яркостью лавки кажется сумерками, на улице стоят двое. Юджин — намек на худосочную смазливость, в длинном черном пальто, которое в Дублине, возможно, и изощренный деловой наряд, но здесь оно просто чудно́е — весь подался к высокой белокурой девице, та быстро что-

то говорит. Девушка повесила голову, руки глубоко в карманах. На ней белая дутая куртка и что-то вроде черных легинсов, но легинсы скрадывает полумрак, и потому кажется, будто она плавает в воздухе, того и гляди завихренья дождя унесут ее от Юджина.

— Юджин-то хорошо выглядит, — говорит Норин, всматриваясь в окно и стирая с него конденсат. — А кто это с ним? Батюшки, глаза мне врут, не успею оглянуться, как на бифокалки переходить пора. Это Рэчел, что ли?

— Она самая, канеш, — говорит Томми. — Не разлей вода. Любовь молодая, ну не славно ли?

Понятно, почему Юджин ждет снаружи, мочит славное пальтишко: слишком уж бережет он свое достоинство, чтоб рискнуть и позволить Норин его проткнуть на виду у Юджиновой подруги. У Юджина какая-то крутая работа в финансах, Кел не знает подробностей, и ему они без разницы, лишь бы не приходилось о них выслушивать, а это значит, что в лавку к Норин, когда там Клода Мойнихан, он не суется.

— Вот, полюбуйся, — говорит Норин Келу, хватаясь за возникшую возможность. — Видишь вон тех двоих? Они со дня на день сговорятся. Разве нет? — мечет она вопросом в Томми.

— Ай ну, — говорит Томми, похлопывая себя пальцем по носу сбоку и улыбаясь. — Я глух и нем.

— Ай, будут-будут. Я это сразу поняла, как только Клода сказала, что возвращается на диету: надо ей на помолвочном приеме смотреться как следует. А тебе я так скажу, мистер, — обращается уже к Келу, — эти вот тянуть с датой полтора года не будут. Они “Двор Брегган” застолбят, не успеет кольцо ей на палец сесть как следует. Одной датой меньше для вас с Леной.

— О-хо-хо, — говорит Томми, хлопая в ладоши. — Кто это у нас тут на попятный?

— Да просто уступаем молодым очередь к алтарю, — говорит Кел.

Опускает гирлянду в ящик для хранения и уходит на поиски положенных ему яиц. Свое право трунить над Келом Норин заслужила, а вот Томми — нет, если учесть, что за разговорами они в общем и целом не провели и десяти минут. Томми, пусть и старается оделять своим вниманием нижних по чину, представляет собой иное сословие здешнего общества, отличное от тех ребят,

с какими якшается Кел. Томми одевается так же, в рабочие штаны, флис и дутые жилеты, однако на нем это все смотрится как театральный костюм — возможно, потому, что неизменно идеально чистое.

— Справедливо. Эти куда как торопятся по сравнению с нами, старичьем, правда же? — Томми похохатывает и изображает, будто толкает Кела под ребра локтем, пусть Кел чуть ли не в другом углу лавки. Норин услужливо хихикает. Кел продолжает выбирать яйца.

— Я б решил, это Лена за поводья тянет, — говорит Томми, продолжая лыбиться Келу. — А? Она в том доме давненько живет, ей, мож, неохота выбираться да переезжать в твою крохотулю, не хочу плохого сказать.

— Считаешь, она должна переехать? — вежливо интересуется Кел.

— Перемена — лучший отдых, — говорит Томми так, будто это нечто значимое. — Перемолвиться мне с ней словечком? Толкануть?

Кел денег бы приплатил, чтоб посмотреть, как Томми пробует с Леной перемолвиться.

— Тише едешь, дальше будешь, — заявляет он, поскольку они с Леной, очевидно, именно этим и заняты. Томми смеется так, будто Кел сказал что-то уморительное.

— Вот, держи, — говорит Норин, пробивая Томми сосиски и добавляя к ним впечатляющую груду упаковок “Марса”. — Хорошенько прячь их от твоей-то.

— Это будет наша с тобой маленькая тайна, — говорит Томми. — Уж ты не выдай меня.

Норин снова хихикает, Томми расплачивается и размашисто выносит свою персону вон.

— Подвезло же, — говорит довольная Норин, когда дверь за Томми закрывается. — Я-то думала, что некуда мне теперь эти “Марсы” девать будет, никому добавка сластей в доме не нужна — после Хеллоуина-то. Но Томми широту души показать никогда возможности не упустит. — Она пробивает Келу яйца. — И не будет он в воскресенье за обедом кормить Юджина, блить, сосисками да картофаном. Томми с Клодой ездят в город в большой магазин, вот так-то, она какие хочешь вычурные продукты для своих рецептов из Балли-

мало* добыть может. А уж потом за всякой мелочевкой заезжают сюда, меня удостаивают.

Она хмурится в окно на Томми, тот похлопывает Юджина по плечу и разводит бурную говорильню.

— Знаешь что? Эти двое вместе не смотрятся. Юджин и Рэчел, в смысле. Как она даже не глядит на него. — У теплоты Норин размах шире даже ее шумливости; она всерьез обеспокоена, а не просто ищет, о чем бы посплетничать. — Я знаю, какой ужасный кисляй этот Юджин, но Рэчел по нему чисто с ума сходит. Они вместе с ее шестнадцати, все как есть, никогда она без него не бывала. Заведи он себе какую в Дублине, это разобьет ей сердце. Они тебе самому как кажутся?

— Н-знаю, — говорит Кел. Уделять Мойниханам времени больше необходимого он не склонен. — Я ни с тем, ни с другой не знаком толком, сказать не могу. Ты что-нибудь знаешь про то, как суфле готовить? Трей вычитала о них в каком-то учебнике и захотела разобраться, что это такое, ну я и сказал, что рискну попробовать.

Норин разражается советами и рецептами, связанными с суфле. Окно вновь запотевает, превращая Томми, Юджина и Рэчел в размытые фигуры, колышущиеся, словно огородные пугала.

В субботу после обеда Лене как-то выпало оказаться за рулем и везти за гору полную машину подростков. Не имея детей, автомобиль она выбирала без учета подобного развития событий, однако у Трей намечался футбольный матч в Лиснакараге, а мать Трей взяла себе дополнительную рабочую смену в городском супермаркете, и теперь в Ленину “шкоду” набились пятеро, сидят друг у дружки на коленях, пихаются локтями, огрызаются, хихикают и оттопыриваются на всю катушку. У Трей и Кейт команда выиграла этот матч, остальные трое просто за компанию ради крака**, делать тут по выходным

* Отсылка к Кулинарной школе Баллимало (*Ballymaloe Cookery School*, осн. 1983) — одной из самых известных кулинарных школ Ирландии, расположенной в графстве Корк; основана Салли и Дариной Керри и известна прежде всего обучением современной ирландской кухне с упором на местные продукты.

** Крак (искаж. от ирл. *craic*) — потеха, веселье.

больше особо нечего, потому всех и прет. Лена уже дважды пригрозила им высадить из машины. Узкие горные дороги серпантином да с крутыми спусками — вождение то еще и в лучшие времена, а по такой погоде, когда еловые посадки проступают из серой мглы, а поля внизу подернуты моросью, опасность придвигается еще ближе. В целом Лена не видит особых причин, чтобы подростки непременно вели себя чинно — большинство из них держится достаточно долго, — но всему есть предел, машину свою пустить под откос она им не даст.

— Хозяйка, — обращается к ней сзади веснушчатый пацан — Росс, кажется Лене, — подаваясь вперед между сиденьями. — Слышь, хозяйка.

— Она миссис Дунн, тупой ты, — говорит ему Эйдан, сидящий спереди.

— А вот и нет. Она замужем за этим Как-его-там, янки, который в старом доме О'Шэев. Сам, бля, тупой.

Дружки Трей когда-то присвоили Лене категорию Мирный Взрослый, то есть теперь они не боятся, что она их сдаст настоящим взрослым за всякие малые проступки вроде сквернословия.

— А вот и нет, — говорит Трей. — С чего ему тогда жить в доме О'Шэев, а ей — у себя, если б они женаты были?

— Вот именно, — торжествующе говорит Эйдан.

— Если б я была за тобой замужем, я б жила в Австралии, — говорит ему Кейт.

— Ты б не была.

— Да конечно, бля, не была б.

— Хозяйка, — говорит Росс, не желая отступаться. — Стоит ли вот Кире мутить с Эйданом?

— Заткнись ты, блядский телепузик, — говорит Эйдан, поворачиваясь, чтоб его ударить. Росс уклоняется. Лена прихлопывает его руку на место.

— Ей бы ввязаться на пробу, а? Он парниша симпотный...

— Иисусе, — Кира зарывается лицом в ладони и пытается исчезнуть в своем углу. Трей и остальные смеются.

— А вы б взяли его хотя б катнуться, верно? Если б, типа, были нашего возраста?

— Мне надо было б побольше вводных, — говорит Лена.

Ей нравится наблюдать за Трей посреди этого. Трей провела детство, обороняясь от всей Арднакелти, которая по стародавней традиции считает, что от семьи Редди больше беды, чем прибытку, а потому Трей держалась одиночкой; к тому времени, когда она взялась познавать всякое вроде приятелей и проказ, ей было уже порядком, и смекнет ли Трей, что к чему, Лена уверена не была. Она с удовольствием видит, что заблуждалась.

— У парниши этого только смазливость или он что полезное умеет? Отговорить тебя лезть в склоку? Дом построить? Печь пироги? Играть на гитаре?

— Кейт, что называется, играет на басу, — говорит Росс и бьет Трей кулаком в плечо.

Трей и Кейт лупят его разом в ответ. Брови у Лены поднимаются.

— Слыхали? — говорит Эйдан остальным. — Она говорит, я смазливый.

— Ей, бля, очки нужны.

— Это твоей матери очки нужны, бля.

— Твоей матери нужна машина времени и презик.

— Твоей матери нужны енти яйки*.

Завязывается потасовка. Лена не вмешивается. Подростки ей нравятся — ну или, по-любому, эта ватага: буйство их и озорство, энергия ракетного топлива, прущая во все стороны. Они так и пышут великолепным знанием, что они неукротимы, что никакие правила, сколь люто б их ни прививали и ни навязывали, недостаточно сильны, чтоб подростков этих сдержать. Лена, даже сознавая, что оно не так, находит в том глубокое удовольствие.

Пока они заняты, она пользуется возможностью хорошенько разглядеть Кейт в зеркало заднего вида. Друзей Трей Лена наблюдала там и сям, в основном на футбольных матчах, но все они не из Арднакелти, то есть не те дети, кого Лена знает с рождения. Трей в ее жизни нравится все держать по разным отсекам; к тому, чтобы позволить даже вот такое пересечение, она стала готова совсем недавно. Лена с Келом, осознавая, что

* *Deez nuts* (англ. “енти яйки”) — фраза вошла в массовую культуру после скетча из альбома *The Chronic* (1992) рэпера Доктора Дре, а в середине 2010-х пережила вторую волну популярности как интернет-мем; употребляется как нарочито нелепая кульминация словесной перепалки или розыгрыша.

малейшей осечки хватит, чтобы их привилегии оказались отозваны, ведут себя осмотрительно.

Кейт высокая и длинноногая, с широкими живыми чертами лица, темный хвост волос, россыпь веснушек. Лена не знает о ней ничего, кроме того, что они с Трей играют в защите, и Кейт в этом выводке способна за себя постоять, что для начала очень даже прилично. Лене интересно, что в этом усмотрит Кел, чем бы оно ни было. Прикидывает, что предстоит отговорить Кела втихую собирать на Кейт данные.

Стычка разошлась так, что вот уж Эйдан стоит на коленках на переднем сиденье лицом к заднему, а Кира заваливается набок на остальных и верещит.

— Ну-ка, хватит, — говорит Лена, возвышая голос, чтобы переорать шум, — а не то я проеду по ухабу, чтоб вам всем сотрясенье мозгов устроить. — Эйдан наносит последний удар и усаживается, заднее сиденье тоже угомоняется до приглушенных фырчков и хихиканья. Лена сбрасывает скорость. Они выбираются из еловых посадок на открытый горный склон, в обширные заросли вереска; любая ошибка — и заедешь колесом в болото.

— Я полезный, — говорит ей Эйдан, возвращаясь к исходной теме. — Я вчера мамке в гостиной светильник менял. Вот какой полезный.

— А отец твой в курсе? — спрашивает Кейт.

— Он прошлым вечером дома был, смотрел телик. Я б решил, что видел.

— Да не светильник, дурила.

— Я ему расскажу.

— Он из берегов выйдет, — говорит Росс.

— Вот поэтому и надо сказать прямо сейчас, — говорит Кейт. — Чтоб успел и из берегов выйти, и свыкнуться.

— У Эйдана отец считает, что Эйдан останется на ферме, — поясняет Трей Лене. — Да только он электриком будет.

— Птушта Кире запах коровьего говна не нравится, — говорит Росс. Кира его стукает.

— Я ему скажу, — говорит Эйдан Лене. — Просто жду подходящего случая.

— Все шик, — говорит Лена. — Не проболтаюсь. Я отца твоего и не знаю даже. — Она понимает, чего опасается Эйдан. Если

у Эйдана нет братьев, объявить себя электриком — дело, скорее всего, куда большей важности, чем, допустим, объявить себя би или атеистом. Независимо от того, насколько старомоден отец, би-атеист-фермер сможет удержать землю в семье. Нет ничего значимее.

У Лены звонит телефон. Это Кел. На матчах у Трей Кел обычно присутствует, но сегодня на него скопом насели братья Макхью, чтоб он помог им остричь изгородь. До пахоты всего неделя-другая-третья, фермеры это время употребляют для подрезок и починок, приводят землю в порядок к зиме. Сонни Макхью пригвоздила к стене телка, и у него одна рука в перевязи, а потому у Макхью одним работником меньше.

— На́ вот, — говорит Лена, передавая Эйдану телефон с включенной громкой связью. — Держи. А вы все — а ну тихо.

— Как жизнь, молодая? — спрашивает Эйдан в трубку своим самым взрослым и низким голосом. Заднее сиденье рассыпается хихиканьем.

— Эй, — говорит Кел. — Кавалер твой, что ли?

— Он занят, — отвечает Лена. — Побуду покамест при тебе.

— Выиграли они?

— Ага, — говорит Трей, выпрастываясь из кучи-малы и подаваясь вперед между сиденьями. Вопреки тому, что Трей шестнадцать, существование Кела не создает ей неловкости — возможно, оттого, что он ей не всамделишная родня. — Три — два. — Кейт издает победный клич. — Та лошадь-то гонялась за мной всю дорогу, пыталась меня с ног сбить. Я увернулась, она и сядь на жопу. Орала, чтоб карточку дали, но реф сказал ей, чтоб шла лесом.

— Ну что же, поздравляю, — говорит Кел. Лена слышит у него в голосе широкую улыбку. — Промокли насквозь?

— Я шик, — говорит Трей. Насквозь они промокли все — более или менее. В машине стоит духан па́рящей одежды, загвазданной обуви и дезодорантов.

— Ты же будешь тут на ужин, чтоб отметить? Я собирался суфле готовить.

— Что за хрень — суфле? — вопрошает Росс вполголоса.

— Яйца, — говорит ему Кейт.

— Понтовые яйца, — говорит Кира. Вполголоса вспыхивает новый спор: могут ли яйца быть понтовыми.

— Ага, — говорит Трей в трубку. Жилищный распорядок Трей может показаться причудливым, на практике же все получается с подвижностью, какую они обустроили себе для всеобщего удобства. В будние дни она живет с матерью и малышней в домике у подножия горы; по выходным она обычно у Кела на раскладном диване, чтоб им сподручней было заниматься своей столяркой — чинить и собирать мебель для желающих, а также чтобы Трей побыть в покое. — Потом уйду только. С ребятами.

— Тогда надо, чтоб суфле с первой пробы вышло как надо, — говорит Кел. — Лена? Ты с нами?

— Чего ж нет, — говорит Лена. — Ни разу раньше суфле не ела. — Келу, в отличие от нее, стряпня нравится, пусть и занялся он ею из убеждения, что Трей надо питаться чем-нибудь, помимо гамбургеров, жареного сыра и всякого вываренного до капитуляции, какое удавалось ее матери. Теперь Кел постоянно берется за что-нибудь эдакое, и обычно у него получается. Но даже больше еды, которая вкусна сама по себе, Лена обожает заботу и сосредоточенность, которые Кел в свою стряпню вкладывает. Лена обыкновенно смотрит, как Кел готовит, и находит покой в уверенных движениях его рук и тихого пунктира его пения вместе со Стивом Эрлом или Эммилу Хэррис*.

— И я ни разу, — говорит Кел. — И, может, сегодня вечером тоже не получится. На этот случай у меня есть хлеб и арахисовая паста.

— Я б поел суфле, — говорит Эйдан в телефон.

— Всем, кого Трей пригласит, добро пожаловать на ужин — уж какой в итоге выйдет, — говорит Кел. — Потолкуй с ней. Молодчина, мала́я, еще раз скажу. Передай Кейт от меня, что вы молодцы.

— До скорого, — говорит Лена, забирая телефон.

— Можно мне на суфле? — спрашивает Эйдан у Трей.

Эйдан — обаятельный шалопай, такие просят взрослых купить им выпивку и заморачивают голову так, что выпивку им

* Стивен Файн Эрл (р. 1955) — американский рок-, кантри- и фолк-певец и автор песен, продюсер, актер. Эммилу Хэррис (р. 1947) — американская фолк-, блюграсс-, госпел-певица, автор песен, руководитель оркестра и активистка.

в итоге покупают. На Лене он такого пока не пробовал, но она видела, что он это обдумывает.

— Пошел ты, — говорит Трей. — Сам себе приготовь. Говорил же, что полезный.

— Что вообще за тема такая насчет моей полезности? — требует ответа возмущенный Эйдан. — Чего это я должен быть полезным? А вы все что, вы сами чем...

— Я твоей бабуле горку сделала для ее побрякушек, вот чем...

— А Кейт, она как...

— Я, бля, *гол забила*, из *защиты*...

Стычка набирает полные обороты. Лена ведет машину вниз с горы, ветки дрока тарахтят по бокам.

На тротуаре возле лавки Норин Кел стирает с телефона морось и убирает его. Чем ближе к зиме дни, тем короче, еще даже не полпятого, а небеса уже начинают темнеть. Вдоль всей улицы зажглись огни. У миссис Герагти, у которой красная дверь, гостят внуки; кто-то из них залезает на кресло, а еще парочка пытается нарядить пса в оставшуюся после праздника ведьмину шляпу.

Томми, Юджин и Рэчел уходят прочь по дороге. Громовый смех Томми, занимающий собой все возможное пространство, эхом отдается от домов. Келу кажется, будто он что-то упустил.

Инстинкт этот у него остаточный, как фантомная конечность, которая по временам все еще ощущает некое подрагивание. Двадцать пять лет Кел был легавым в Чикаго, где хорошо развитый датчик на всякое подозрительное был обязательным универсальным прибором, пригождавшимся для всего в широком диапазоне — и для того, чтоб сгладить день, и для того, чтоб спасти жизнь. На покой Кел удалился именно потому, что хотел избавиться от этой работы и всего, что с ней связано, и в основном у него получалось, однако инстинкт никуда не девается. Разница в том, что нынче всякое, от чего у Кела оно подрагивает, не то чтобы слишком ответственное — и в любом случае не его головная боль. После долгих лет работы Кел глубоко и от души ценит все, что не его головная боль, но с философией этой он сроднился не целиком.